

Падение самодержавия и русские эмигранты в Аргентине

А. А. Дементьев

Для цитирования: Дементьев А. А. Падение самодержавия и русские эмигранты в Аргентине // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1203–1220. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.412>

В статье освещается процесс формирования русской колонии в Аргентине с 1870-х годов до 1917 г. Особое внимание уделено взаимодействию различных групп выходцев из России и представителей ее институтов в свете новостей о падении монархии в России. Русская революция заставила разрозненные круги эмигрантов, у которых было мало общего, кроме исторической родины, выказать свое отношение к России. Еврейские колонисты, революционеры, рабочие, писатели, дипломаты, имея свои собственные ожидания от происходящих в Петрограде событий, оказались в одном поле диалога. В фокусе нашего внимания появляются люди, поздравляющие друг друга со знаменательными переменами на Родине, не скупящиеся на пышные формулировки и старающиеся подчеркнуть свою причастность к огромному историческому событию. Еще вчера антагонисты, они приняли революцию, однако не смогли стать союзниками. Факт «пересечения» представителей разных групп — их участия в одних и тех же мероприятиях, одних и тех же спорах на страницах одной и той же газеты — дает повод говорить о совокупности этих людей как о русских и рассмотреть феномен русского сообщества в Аргентине во всей его широте и исторической перспективе с момента возникновения. Появляется также возможность показать, насколько это интересный феномен — единство хотя бы на несколько недель совершенно разных групп, осознающих себя частью русского сообщества. Небезынтересны сюжеты взаимодействия представителей выходцев из России и аргентинского общества в момент формирования его национальной идентификации, интеграции в это общество, сочетающейся с самоопределением русскости. В статье приводятся редкие источники.

Ключевые слова: русская эмиграция, Аргентина, Февральская революция, Еврейское колонизационное общество, Социалистическая партия Аргентины.

The Fall of the Autocracy and the Russian Emigrés in Argentina

A. A. Dementyev

For citation: Dementyev A. A. The Fall of the Autocracy and the Russian Emigrés in Argentina. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 4, pp. 1203–1220. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.412> (In Russian)

The article tells us about the formational process of the Russian colony in Argentina since 1870s until 1917. Special attention is paid to the interaction of different groups of Russian

Александр Анатольевич Дементьев — аспирант, Университет Буэнос-Айреса, ул. Пуан, 480, Буэнос-Айрес, 8180, Аргентина; alexander.dementieff@gmail.com

Alexander A. Dementyev — Postgraduate Student, University of Buenos Aires, 480, Puan, Ciudad Autónoma de Buenos Aires, 8180, Argentina; alexander.dementieff@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

immigrants and a variety of official institutional representatives when the news of the fall of the monarchy was received. The Russian revolution represented a strong uniting force in previously disparate circles of Russian emigrants, who had little in common except their historical homeland. There were many groups of immigrants — colonists, revolutionaries, workers, writers, diplomats — with very little in common but suddenly, when the Russian revolution occurred, the majority of these people quickly reacted to express positive opinions concerning these political changes. Seemingly from one day to the next there was a complete reversal of sentiments as groups who previously differed greatly on the political spectrum — began to identify themselves as Russian and to dream about a common future. These suddenly united groups openly expressed their excitement, at times verging on euphoria, upon hearing news of revolution. This moment of ephemeral union between Russian emigrants allowed for a newly identified Russian community to emerge. These dialogues surrounding the Russian revolution provides an important opportunity to examine, in totality, the emigrant identity as Russians, whereas this would have been incomprehensible previous to this historic event. This article provides a framework through which to consider the phenomenon of the Russian community in Argentina in all its breadth and in the historical perspective from the moment it emerged. This specific moment, 1917, demonstrated the possibility of disparate groups of people to mesh, even if just for a few weeks, to become part of a single Russian community.

Keywords: Russian emigration, Argentina, February Revolution, Jewish Colonization Association, Socialist Party of Argentina.

Аргентина и Россия до сих пор кажутся друг другу достаточно экзотическими странами. Это впечатление вполне резонно подкрепляется большим расстоянием, разделяющим их, даже несмотря на современные виды транспорта и технологии связи. Тем не менее сто лет назад они не были такими далекими, в том числе и культурно, во многом благодаря массовой иммиграции из России.

В постперестроечном российском обществе наибольший интерес привлекает послереволюционная эмиграция, опрометчиво названная первой волной, которую принято рассматривать в основном в контексте взаимодействия с соотечественниками, русской культурой в изгнании, как людей, вырванных историческими событиями из своей среды и переживающих расставание с Родиной как трагедию. Нетрудно представить, что в такой ситуации можно отыскать массу сентиментально-ностальгических нот, нередко окрашенных в филомонархические тона.

Дореволюционная эмиграция, остающаяся в тени последующих волн, представляет интереснейший материал для исследователя. Причина — то, что она была абсолютно разнообразной во мнениях, мотивах переезда и ожиданиях от новой страны, а также то, что происходила в момент формирования национальных идентичностей не только внутри Российской империи, но и за ее пределами — в странах, принимающих переселенцев. Неустойчивость представлений о том, что значит быть русским или аргентинцем, сыграла свою роль во взаимодействии людей, по-разному представлявших себе свою идентичность, пускай и выраженную только на словах.

Кого же считать русским в данном контексте и, соответственно, кого относить к русской эмиграции? Для ответа на этот вопрос попытаемся руководствоваться следующим критерием. Перед нами предстают две совокупности: те, кого считали русскими, и те, кто сам считал себя таковым. Они могли как совпадать, так и различаться, и на протяжении всей истории русской эмиграции соотношение этих

двух категорий варьировалось, и выяснение того, какие факторы влияли на данный процесс, — тема отдельного исследования. Однако был момент, когда эти совокупности практически совпали: с началом в России революционных событий 1917 г., принятых русским зарубежьем с непередаваемым восторгом.

На волне эйфории по поводу революции в начале мая 1917 г. в русской газете Буэнос-Айреса «Новый мир» публикуется открытое письмо Комитета друзей Свободной России, подписанное гражданином Заславским, министру иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкову. В письме от лица русских, живущих в Аргентине, приветствуется революция и обращается внимание на ряд проблем соотечественников, но особенно интересна справка, дающая общее представление о том, что представляет собой сообщество русских эмигрантов:

«Русская колония в Аргентине состоит, Ваше Превосходительство, из приблизительно 150.000 душ, часть которых населяет колонии, основанные и управляемые Еврейским Колонизационным Обществом. Эти колонисты делают честь нашей дорогой родине добрым именем, которое умели приобрести в этой стране, законы которой либеральны и признают полнейшую свободу вероисповеданий; они очень скоро доказали, что в области деятельности мало для них ведомой на их родине, они много успели: теперь обрабатывают 600.000 гектар, заселяют и собирают жатву, являясь таким образом предшественниками громадного населения, которое последует их доброму примеру — приложению своей энергии на культивирование дорогой земли матушки России, теперь и навсегда свободной.

Остальная часть русской колонии в Аргентине состоит из различных категорий: купцов, ремесленников и рабочих, принимающих активное участие в жизни страны, интересуясь всем, пользуясь равными правами с другими жителями республики. Те, которые здесь уже давно, ассимилировались, приняли аргентинское гражданство и занимаются активно политикой. Один из наших соотечественников, эмигрант, фигурирующий одним из руководителей социалистической партии в Аргентине, доктор Дикман, имел честь быть выбранным депутатом в Национальный Конгресс 55.000 голосов без различия рас и религий в городе Буэнос-Айрес, представителем которого он состоит в Палате Депутатов»¹.

Празднование революции было всеохватывающим, а участие в нем выходцев из России было чуть ли не решающим. В качестве одной из иллюстраций можно привести грандиозный митинг, состоявшийся в апреле 1917 г. на одной из площадей в центре Буэнос-Айреса — Пласа Мисерере, организованный 47 русскими и еврейскими организациями столицы, где звучали выступления на трех языках: на испанском, русском и идиш. После этого процессия двинулась к Пласа Лаваже, где митинг продолжился, заполнив собой улицы и превратившись в километровую колонну². Торжества охватили не только столицу и пригороды, но и всю страну. В той же газете «Новый мир» от 6 мая 1917 г. приводилась новость о том, что комитет выходцев из России во главе с Ароном Павловским провел благотворительный праздник, а собранные средства были отправлены министру иностранных дел П. М. Милюкову с сопроводительной телеграммой:

«Русские жители провинции Мендозы отпраздновали большими публичными манифестациями счастливое событие падение Самодержавия.

¹ Новый мир. 1917. № 182.

² Pittaluga Roberto. Soviets en Buenos Aires. Buenos Aires, 2015. P. 33.

Аргентинцы и союзники с энтузиазмом приветствовали Думу, выражая пожелание счастья России под новым режимом.

Празднества дали повод в пользу Русского Красного Креста три тысячи пятьсот одиннадцать франков, которые посылаем сегодняшней почтой.

Да здравствует Свободная Россия!

Павловский»³.

Новостям о падении самодержавия также обязано появление Комитета друзей Свободной России. Среди его организаторов можно выделить Деметрио Арановича, Альберто Гершунова и Иду Бондареву. Также заметно, что значительная часть тех, кто вошел в Комитет в самом начале его работы, — это представители группы «Авангард» из Социалистической партии Аргентины.

Уже в следующем номере «Нового мира» была опубликована новость о том, что Милюков покинул пост министра, и страницы газеты запестрели заявлениями разных граждан о том, что к обращению Комитета друзей Свободной России они не имеют никакого отношения (преимущественно из-за поддержки Советов рабочих и солдатских депутатов и недоверия к Временному правительству), как, например, это:

«М. Г., г. редактор!

Прошу поместить в Вашей газете письмо от 12-го с.м. Председателю Комитета Друзей Свободной России г. Заславскому.

Милостивый государь!

Довожу до Вашего сведения, что по причинам принципиального характера выхожу из состава Комитета Друзей Свободной России.

Прошу также, чтоб имя мое не фигурировало в обращении к министру иностранных дел г-ну Милюкову.

С почтением,

Ида Бондарева»⁴.

Имя Иды Бондаревой появляется вновь на страницах «Нового мира» через два номера, в анонсе ее выступления в салоне «Гарibaldi», выступление называлось «Роль пролетариев в Российской революции и отношение к Временному Правительству». Ида Бондарева должна была выступить наряду с другими докладчиками на собрании, организованном Комитетом им. Корнелия Тиссена, целью которого объявлялось «выражение отношения к настоящему историческому моменту в России»⁵. Этот анонс соседствует на газетной странице с воззванием протоиерея Константина Изразцова с просьбой о помощи в сборе средств для нуждающихся:

«Воззвание

Помогите!

Всем известно трудное, скажу прямо — безысходное положение наших русских рабочих здесь: работу найти страшно трудно, а средств к существованию никаких. Некоторые из них приходят и просят хлеба. По примеру прошлых лет, я с конца Апреля принимаю всех русских, без различия вероисповедания, на ночлег, давая им однажды в сутки приблизительно по полфунту хлеба с кружкой горячего чая, рассчитывая на человека не

³ Новый мир, 1917. № 183.

⁴ Там же. № 184.

⁵ Там же. № 186.

более 12 сентавос за раз. В начале мая было 6, 8, и 10 чел., к концу месяца набралось 17–18 и теперь почти каждый день приходят новые ночлежники: народ рад хоть немножко согреть желудок горячим чаем и провести ночь на полу в темной комнате...

У меня имеется остаток от прошлогодних пожертвований, которым я пока и оперировал; других средств никаких не имеется. Прошу всех кто может: помогите накормить голодных!

Протоиерей К. Израсцов

Пожертвования присылать Reverendo C. Izrastzoff — Calle Brasil 315. Bs. Aires. Iglesia Rusa ⁶»⁷.

Обращает на себя внимание формулировка «всех русских, без различия вероисповедания», относящаяся к большинству русского сообщества в Аргентине.

Еще через две недели в газете появился отчет о мероприятии Комитета им. К. Тиссена в салоне «Гарибальди». Особенно он интересен рассказом об инциденте, связанном с главой российской дипломатической миссии Евгением Штейном: внезапно «внимание публики отвлечено было неожиданным появлением в зале вездесущего теперь Штейна со свитой, пришедшего, очевидно, послушать “запрещенные” речи»⁸. Присутствующие были возмущены появлением на их собрании представителя старой власти, который теперь выступал представителем Временного правительства. Он уже не в первый раз появлялся на революционных торжествах ко всеобщему недоумению, в особенности крайне левых: «Присутствие Штейна в салоне все время вызывало неудовольствие публики, находившей, что здесь, в рабочей и демократической среде, ему не место и что скоро никуда нельзя будет явиться, чтобы не натолкнуться на Штейна и Ко»⁹. Но из уважения к Комитету Тиссена и нежелания помешать митингу публика терпеливо сносила его присутствие, не скрывая, впрочем, своих чувств. В какой-то момент поняв, что ему вовсе не рады, посол начал выбираться из салона. Находившаяся в фойе толпа проводила дипломатов свистом, шипением, криками и «некоторыми нелестными эпитетами».

В том же номере была опубликована новость об отставке Александра Павловского — его вынужденном уходе с должности в правительстве города:

«Видный член нашей колонии и один из редакторов “Нового Мира” г. А. Я. Павловский, занимавший пост директора городского движения, суб-генерального инспектора и другие посты в местной коммуне в продолжении 17 лет, принужден был выйти в отставку, вследствие официальной жалобы представителя старого режима Штейна, обидевшегося на статьи, критиковавшие деятельность русского дипломатического корпуса за границей и указавшие на необходимость заменить приверженцев Николая искренними и верными друзьями нового строя в России»¹⁰.

Далее отмечалось, что Павловскому не хватало всего двух с половиной лет до выхода на пожизненную пенсию. Тексты этого периода в целом не скупятся на пафос. «Весть об этом [отставке], — писала газета, — вызвала всеобщее возмущение в колонии, свидетельством чего могут служить сочувственные письма, полученные

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. № 188.

здесь г. Павловским, оказавшимся через четыре месяца после освобождения России жертвой забытого здесь представителя свергнутого режима»¹¹.

Остановимся пока на этой части конфликта и попробуем оценить глубину раздора, посмотрим, как развивалась русская колония в Аргентине на примере взаимоотношений разных групп соотечественников, представленных прежде всего вышеупомянутыми людьми.

Словосочетание «русская колония» было устойчивым аналогом того, что сейчас мы назвали бы словом «диаспора». Упомянутая цифра в 150 тыс. душ весьма условна. В самой газете среди прочей информации практически в каждом номере публиковалась статистика, взятая из последней на тот момент переписи населения Аргентины. По состоянию на 1 июня 1914 г. «число русского населения в Республике — 93 634»¹². Даже по приведенным в газете цифрам это достаточно много — четвертая по численности иностранная община в стране. Однако надо учесть, что рожденные в Аргентине и натурализовавшиеся (вошедшие в аргентинское гражданство) в этих цифрах не учтены. Таким образом, количество выходцев из России и их потомков к 1917 г. могло и превышать означенные 150 тыс. К тому же нельзя не отметить, что цифры едва ли способны дать представление о том, сколько же людей по-настоящему считали себя русскими, поскольку этническая самоидентификация — это преимущественно психологическая категория, и каждый представляет ее себе по-своему и в разные моменты своей жизни склонен пересматривать вопрос о своей идентификации. Именно ее условность достаточно наглядно предстает перед нами в период между Февралем и Октябрем 1917 г., а особенно на чужбине, где нет сильных внешних факторов, направляющих мысль человека в патриотическое русло, и куда новости приходили с некоторым запозданием и не в полном объеме, что оставляло огромный простор для фантазии. Итак, коснемся отдельных судеб.

В 1883 г. по приглашению правительства и президента Хулио Архентино Роки в Аргентину из Франции приехал уроженец Таганрога, родной брат народовольца Исаака Павловского Арон. Во Франции он закончил Университет Монпелье, устроиться в который ему помогло вмешательство в его судьбу Ивана Сергеевича Тургенева, и с востребованной специальностью инженера-агронома он должен был применить свои знания на практике, развивая виноделие в зоне Куйо (провинции Мендоса и Сан-Хуан)¹³. С 1884 г. он становится владельцем винодельни «La Purísima» и организует первое промышленное производство аргентинского вина. Опубликовав в 1888 г. значительный труд по виноделию в регионе, он последовательно выступает за экспорт этого продукта в другие страны. Арон Яковлевич женится на Марии Луизе Молина, дочери бывшего губернатора провинции Мендоса Педро Молина. Через некоторое время после своего приезда в Аргентину он приглашает сюда сестру Розу и брата Александра. Роза Павловская, врач, выпускница Сорбонны, по просьбе губернатора провинции Мендоса Руфино Ортега занимается местным лазаретом. В 1886 г. в провинции разгорается эпидемия холеры, и благодаря в том числе усилиям Розы страшную эпидемию удается остановить. В 1887 г. Роза

¹¹ Там же.

¹² Tercer censo nacional. Población. T. 2. Buenos Aires, 1916. P. 398.

¹³ Collado Patricia A. Desarrollo vitivinícola en Mendoza — Argentina. Apuntes Sobre Su Origen Trabajo y Sociedad // Trabajo y sociedad. 2006. N 8, vol. VII. P. 21.

возвращается в Париж, защищает докторскую диссертацию и в 1891 г. вновь приезжает в Аргентину, во Французский госпиталь, где будет работать более 40 лет.

Александр Павловский тоже переезжает в Аргентину в 1880-е годы. Однако в отличие от брата и сестры он оседает в Буэнос-Айресе, занимается литературной и журналистской деятельностью. Помимо этого, он работает директором зоопарка Буэнос-Айреса, а позже становится главой департамента городского движения. В 1912 г. он основывает русскую газету «Новый мир», в течение нескольких лет главное издание русской колонии в Аргентине. Женится он на Розе Легисамон, представительнице богатой семьи помещиков из провинции Энтре-Риос. Их потомство образует известную династию медиков в Аргентине. Внук Александра Павловского Эдуардо — известный драматург.

Семью Павловских нельзя назвать иммигрантами в том смысле слова, какое использовалось в ту эпоху. Для аргентинских властей они не имели ничего общего со своими соотечественниками, приехавшими, например, на пароходе «Везер» в 1889 г.¹⁴ Это специалисты высокого уровня, приглашенные в страну по просьбе правительства и сделавшие уже на первых этапах своего пребывания в стране заметный вклад в ее развитие. Однако, что самое главное, они проникают в среду, которую можно условно назвать местной аристократией, составив важную ее часть благодаря удачным матримониальным союзам. Стоит обратить на это внимание, так как с потоком иностранцев, приезжающих в страну, слой местной аристократии будет становиться все более герметичным.

Что касается массовой иммиграции, то выходцы из России начали переселяться в Аргентину с конца 1870-х годов. Первыми иммигрантами, прибывшими сюда в 1877 г., были несколько семей немцев Поволжья, основавших в 1878 г. колонию Санта-Мария-де-Инохо в провинции Буэнос-Айрес, которую они называли Каменка¹⁵, в честь одноименного села под Саратовом. Это дало начало постепенному переселению поволжских немцев из Бразилии (куда некоторые семьи приехали ранее) и из России в Аргентину. В период с 1878 по 1908 гг. ими было основано 10 поселений в провинции Буэнос-Айрес, и 22 в провинции Энтре-Риос. Стоит отметить, однако, что эти колонии на протяжении долгих лет оставались земледельческими и в известной степени герметичными. Будучи немецкоязычными протестантами (чаще всего меннонитами) и католиками, жителями маленьких сельских общин, они практически не имели поводов для контактов с остальными уроженцами Российской империи, проживающими в Аргентине. Посещавший Аргентину в середине 1880-х годов Александр Семенович Ионин¹⁶ писал: «Странно сказать, а самый лучший колонизаторский элемент доставила Аргентинской республике Россия, хотя и косвенно»¹⁷. Далее, рассказывая о русских меннонитах, переехавших из Бразилии в Аргентину, он называет цифру до 9 тыс. человек (вместе с женщинами и детьми), и подробно останавливается на особенностях их хозяйства и выращиваемых ими культурах: «Они завели свои школы, свой банк, приюты, больницы, клубы. Конеч-

¹⁴ *Devoto Fernando*. Historia de la Inmigración en la Argentina. Buenos Aires, 2003. P. 28.

¹⁵ *Sacks Juan Carlos*. Historia de los inmigrantes del Volga. Vivencia de los abuelos alemanes. Paraná, [S. a.], P. 39.

¹⁶ Александр Семенович Ионин (1837–1900) — чрезвычайный и полномочный посол России в Бразилии. В 1885 г. при его участии были установлены дипломатические отношения с Аргентинской Республикой, в 1887 г. — с Уругваем.

¹⁷ *Ионин А. С.* По Южной Америке. Т. 2. СПб., 1896. С. 243.

но, учатся они по-немецки, но мне случилось беседовать с некоторыми из этих мennonитов, из стариков, по-русски. Любопытно, что они никак не хотят признать, что они не русские, а немцы; принадлежность свою к великому германскому отечеству они отрицают, несмотря на все чарующие германское воображение события последних двух десятиков лет. — “Мы говорим по-немецки, это правда”, говорят они, “но мы все-таки Русские и очень любим Россию, она наше отечество, мы и деды наши там родились и не ушли бы оттуда, если бы не военная повинность, но что же делать? Нельзя, вера не велит”. Так их Русскими называют и здесь, и на вид они тоже напоминают Россию: носят меховые шапки, часто с наушниками, наши смазные сапоги, рубашки с косым воротом или косые армяки, в Олаварии же, где уже холодно, — овчинные тулупы¹⁸. К впечатлениям Ионина необходимо добавить, что он приводит мнение пожилого человека, переселившегося всего несколько лет назад и высказанное им в 1880-е годы. С течением времени память о России естественным образом сохранится преимущественно в некоторых гастрономических и бытовых привычках. В последующие десятилетия эти общины будут пополняться новыми немецкими переселенцами из Поволжья.

В августе 1889 г. в порт Буэнос-Айреса из Бремена прибыл пароход «Везер» со 136 семьями выходцев из России, положив тем самым начало русской еврейской иммиграции в Аргентине. Этим переселенцам пришлось пережить гораздо более неприятные, даже тяжелые ситуации. Помимо не самого доброжелательного отношения со стороны миграционных служб (во внутренних документах ведомства евреев называли «нежелательными» иммигрантами¹⁹) они сталкивались с агрессией со стороны местных жителей, нередко заканчивавшейся весьма печально.

Еще до отправления из России эти эмигранты вели переговоры с миграционными агентами, представлявшими некоторых крупных землевладельцев и заявлявшими о заинтересованности этих землевладельцев, в частности Рафаэля Эрнандеса, в продаже им земли. Однако по прибытии в Буэнос-Айрес картина предстала не такой многообещающей²⁰, более того, сулившей остаться без крова и средств к существованию. Тогда переселенцам и поступило предложение от крупного землевладельца Педро Паласиоса разместиться на его землях в провинции Санта-Фе. Отчаянное положение вынудило переселенцев принять предложение, не задумываясь о деталях. Паласиос, в свою очередь, пообещал обеспечить некоторые базовые условия для размещения и обработки земли. Местность представляла собой дику неосвоенную равнину, на которой предполагалось строительство некой инфраструктуры в связи с постройкой железной дороги из Буэнос-Айреса в Тукуман. Переселенцам были предоставлены быки и лошади, а в качестве укрытия на первое время отведено несколько товарных вагонов. Несколько сотен человек, приехавших туда в холодное время года, испытали настоящие невзгоды из-за постоянных проливных дождей, отсутствия должного обогрева и гигиенических условий. При этом скот оказался не подготовлен к труду, а переселенцы не имели опыта для того, чтобы организовать хозяйственную деятельность на новом месте. Все это привело

¹⁸ Там же. С. 245–246.

¹⁹ *Herszkowich Enrique*. Historia de la Comunidad Judía Argentina. Su aporte y participación en el país. Buenos Aires, [S. a.]. P. 26.

²⁰ За несколько месяцев стоимость земли изменилась, и Эрнандес счел невыгодным продавать ее.

к развитию эпидемии тифа и голоду. О первых месяцах их пребывания в Аргентине побывавшая там в 1890-х годах Лидия Алексеевна Лашеева (публиковавшаяся под псевдонимом Марк Басанин) писала: «Их сундуки, чемоданы, платье, белье — все это плавало, все портилось, гнило, а сами они сидели в воде и не имели возможности от нее укрыться. Если бы не изобилие рыбы, которая, благодаря наводнению, сама, что называется, шла в руки, им угрожала бы опасность умереть с голода»²¹.

Сведения о тяжелом положении переселенцев стали расходиться и достигли доктора Левенталья, делегированного в это время в Аргентину Всемирным израильским альянсом (Alliance Israelite Universelle), который, в свою очередь, обратился к известному филантропу барону Морицу фон Гиршу с просьбой повлиять на ситуацию. Помощь не заставила себя долго ждать, и уже в начале января 1890 г. барон Гирш направил крупные переводы для покупки земли и создания надлежащих условий. Эмигранты переехали на несколько километров на Восток от злосчастного места своего первоначального пребывания, где похоронили, по разным данным, от 60 до 85 детей²². Решено было основать поселение, которому дали название в честь пророка Моисея — город Моисея, но из-за того, что отчетная документация по выделенным средствам велась по-французски, название города стало звучать тоже по-французски — Мойсесвиль.

В 1891 г. Гиршем было основано Еврейское колонизационное общество (ЕКО), задачей которого было улучшение условий жизни евреев, прежде всего из Российской империи, путем переселения их на территории в Новом Свете и создания устойчивого класса земледельцев. Доктор Левенталь, на котором лежала задача найти землю для будущих переселенцев, приобрел надел в провинции Буэнос-Айрес, где была основана колония Маурисио (в честь барона Гирша, которого звали Мориц — по-испански Маурисио), а позднее участок в Энтре-Риос, где образовалась колония Клара (в честь супруги барона). ЕКО вело переговоры с транспортными пароходными компаниями, обеспечивая возможность принимать на себя долговые обязательства в случае, если у переселенца нет средств на проезд, одновременно с этим разослав агентов преимущественно в Бессарабскую и Подольскую губернии с целью найти желающих поселиться на землях барона Гирша.

Особенное внимание Лидия Лашеева в своей статье о еврейских колониях уделяла деревням колонии Клара, где стала свидетелем определенного общего отчаяния переселенцев в связи с длительной чередой неурожаев и большим оттоком населения в крупные города, прежде всего в Буэнос-Айрес. Видя страдания людей из-за того, что Аргентина не оправдала их ожиданий, автор отмечала, что в колонии очень много интеллигентных людей — тех, кто был вынужден кардинально переменить свою жизнь и, имея за плечами образование и профессиональные навыки, не смог приспособиться к скудным условиям земледельческой жизни. В качестве примера она приводила разговор с одной девушкой, закончившей в России гимназию и впоследствии учившейся в Женеве, но из-за того, что ее родители переезжали в Новый Свет, бросившей Европу и отправившейся вместе с ними. Встретились

²¹ Басанин Марк. Еврейские колонии в Аргентине // Исторический вестник. 1898. Т. LXXII. Апрель. С. 198.

²² Zablotzky Edgardo. Filantropía no Asistencialista. Loewenthal y Heilprin, los ideólogos. Hirsch, el ejecutor. Documento de Trabajo. Universidad del CEMA. 2015. Marzo, N 560. P. 5; Басанин Марк. Еврейские колонии в Аргентине. С. 198.

они в доме одного богатого помещика, где бывшая гимназистка работала гувернанткой. «Я мечтала, как заведу в такой деревне школу, окружу себя детьми и буду работать для них. Но все это осталось мечтами, — говорила девушка. — Ничего не дала мне действительность из того, что создала моя фантазия. Дикая, печальная природа поразила меня с первых шагов»²³. Она охотно рассказывала о своем тяжелом положении, но в особенности о контрасте с прежней жизнью: «Не хотелось мне также огорчать мать и остальных родных, не хотелось показать, как мне не по себе среди этой обстановки. Наконец, ведь они-то жили же в ней, выносили ее, а ведь я — то же, что они. И они привыкли к лучшей жизни. Братья учились, старший был студентом, девочек одевали барышнями. Скрепя сердце, принялась я за работу. Пол был земляной. От времени он становился неровным, негладким, и вот, чтобы поправить его, колонисты собирали конский навоз, мешали его с землей и разбавляли водой. Когда эта замазка была готова, надо было мазать пол; он высыхал и становился гладким; хорош труд для гимназистки-белоручки!»²⁴. По словам девушки, ей повезло — в том, что она работает в помещичьем доме, но все ее мысли направлены на то, чтобы поскорее уехать в Европу, накопив для этого денег. Последнее представлялось весьма сложным, ведь половину своего месячного жалованья она отдавала родным, не считая прочих трат. В конце приведенного в статье разговора девушка упоминала о том, что у нее уже седые волосы, хотя ей всего 26 лет.

Речь этой гувернантки вполне созвучна стилю статьи, но есть ощущение, что в ней явно не упоминаются несколько вех, которые придали бы статье не тот характер в 1898 г., однако ж те, что упомянуты, наводят на определенные параллели, при допущении некоторых неточностей, позволенных тексту Лидии Лашеевой (Басанина). Это желание учить детей, оконченная гимназия, Швейцария, переезд с семьей в Аргентину, колония Клара, стремление уехать в Европу учиться, 26 лет. Если это и не правда, то слишком много совпадений, чтобы быть от нее далекой. Слишком много переключек с биографией девушки, которая именно в это время находилась в Колонии Клара, выпускницы гимназии в Одессе Фени Чертковой.

Феня Черткова родилась в 1869 г.²⁵ Училась в гимназии в Одессе. После учебы вышла замуж за Габриэля (Гавриила) Гуковского, благодаря которому познакомилась с социалистическим движением и его идеями. По словам Алисии Моро де Хусто, они с мужем некоторое время находились в Швейцарии и Италии, а вернувшись в Россию, Феня достаточно рано овдовела, оставшись с маленькой дочкой на руках. Но это не остановило ее активной деятельности. Она преподавала в школах, распространяла и укрывала пропагандистскую литературу. Почувствовав нависший над ней дамоклов меч полиции, активно задумалась об эмиграции²⁶. С 1894 г. ее семья вместе с ней и ее дочерью Викторией переехала в Аргентину, в колонию Клара. Совмещая домашние работы с непростым трудом в непривычных условиях,

²³ Басанин Марк. Еврейские колонии в Аргентине. С. 214.

²⁴ Там же.

²⁵ Практически везде упоминается эта дата рождения; в книге, посвященной памяти Фени Чертковой, под ее портретом фигурирует 1870 г. (Fenia Chertkoff. [S.l.], 1933).

²⁶ Алисия Моро де Хусто говорит о таком порядке событий в своей речи по случаю кончины Фени Чертковой (Fenia Chertkoff. P. 79–89). Между тем в книге Мириам Эсклиар приводится порядок событий, как и в статье Лашеевой (Басанина), т. е. после Одессы — Швейцария, затем — Аргентина, когда Феня приезжает в Аргентину к своей семье.

она находила силы и время, чтобы основать библиотеку, организовывать разные занятия на русском и испанском языках, посылала переводы в социалистическую прессу. В возрасте 27 лет Феня отправилась во Францию и Швейцарию и, прослушав курсы в Сорбонне и Университете Лозанны, получила квалификацию детского педагога. По возвращении к семье в Аргентину она покинула провинцию и с дочерью и двумя сестрами переехала в Буэнос-Айрес. Там она остановилась у одних из первых поселенцев колонии Клара — братьев Энрике²⁷ и Адольфа Дикманов, на тот момент уже живших в столице и состоявших в Социалистической партии Аргентины.

Чертковы активно участвовали в политическом движении. В партии они не только не остались незамеченными, но приковали к себе внимание. Одна из сестер — Марианна Черткова — стала первой женой основателя и председателя Социалистической партии Аргентины доктора Хуана Баугиста Хусто, человека, переведшего на испанский «Капитал» Карла Маркса. Адела Черткова вышла замуж за соотечественника, Адольфа Дикмана. Сама же Феня строила новую семью с Николасом Репетто, одним из руководителей партии. Влияние Чертковых в социалистическом движении заставит потом некоторых иронически говорить о «чертковской» диктатуре (*dictadura chertkoffiana*)²⁸.

В партии Феня занималась проблемами детского образования, вела занятия и курсы на безвозмездной основе, боролась за равноправие женщин. 19 апреля 1902 г. ею был основан Женский социалистический центр (*Centro Socialista Femenino*). Уже в следующем году центр подготовил петицию об ограничении женского и детского труда на фабриках, которая будет рассмотрена в парламенте. В 1904 г. она организовала вечерние курсы для женщин-работниц, целью которых было «пробудить их» и подготовить к той роли в обществе, которую они будут играть в условиях равноправия.

После поражения революции 1905 г., в Аргентину в больших количествах стали приезжать политические эмигранты. Феня Черткова взяла на себя заботу о тех, кто в этом нуждался. Нередки были случаи, когда русские социалисты примыкали к аргентинской партии. Среди них встречались и члены РСДРП, например, Ида Бондарева и Михаил Комин-Александровский²⁹, сформировавшие Русскую социалистическую группу «Авангард», которая, как часть Социалистической партии Аргентины, поддерживала контакты с Парижской группой РСДРП.

Занимался политической деятельностью и член боевой организации эсеров Борис Герман. В 1908 г. несколько десятков матросов броненосца «Потемкин», приехав в Аргентину, образовали свою рабочую коммуну, в которой, судя по лозунгам, фигурировавшим в их переписке (к примеру, «В борьбе обретишь ты право свое»), преобладали эсеровские настроения³⁰. Коммуна просуществовала всего несколько месяцев, и матросам пришлось разъехаться по разным годам страны, ища заработка и не оставляя идей политической борьбы. Интересно наблюдение матроса Арсения Самойленко, зафиксированное в феврале 1909 г.: «Между рабочими нахо-

²⁷ Именно Энрике Дикман упоминается в открытом письме Милюкову, депутат с 1914 г.

²⁸ *Escliar Myriam. Mujeres en la literatura y la vida judeoargentina. Buenos Aires, 1996. P. 54.*

²⁹ *Jeifets Lazar, Jeifets Victor. América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Santiago de Chile, 2015.*

³⁰ *Кардашев Ю. П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. М., 2008. С. 123–124.*

дится 10% сознательных... в мастерских много русских. Самое большое может выделиться 1/10 часть против капитала, а остальные только и живут из-за денежного интереса. Эксплуатация здесь больше, чем в России, народ совершенно темный»³¹.

Русских, которых Самойленко встречал в мастерских, мы можем отнести к еще одной группе выходцев из России — рабочих. С начала XX в. в русские рабочие массово прибывали в Аргентину. С 1901 по 1910 г. фиксируется наиболее значительный их наплыв — около 80 тыс. человек³². Они работают в портах, на железной дороге, иногда находят сезонную работу в винодельческих регионах на сборе урожая, но чаще всего — на предприятиях мясохладобойной промышленности. Можно сказать, что по своему абсолютному преобладанию они составляли пролетариат крупных промышленных центров. Существовал также феномен рабочих-«ласточек», приезжавших в Южную Америку, чтобы заработать денег и вернуться назад. Среди этой категории было много крестьян, преимущественно из западных и южных губерний Российской империи. В 1914 г. с началом Первой мировой войны было прервано прежнее пассажирское сообщение по Атлантическому океану, и тем из «ласточек», кто хотел вернуться на родину, сделать это не удалось. В основной своей массе данная группа характеризовалась уязвимым экономическим и социальным положением, что нередко вело к радикализации политических взглядов. Среди них появлялись представители несоциалистических революционных течений, прежде всего анархисты.

Провоцировало радикализацию настроений населения, в том числе иммигрантов, общее осложнение политической и социальной ситуации в Аргентине на фоне острых социальных проблем. 1 мая 1909 г. социалисты и анархисты договорились проводить свои демонстрации в разных частях города. Митинг анархистов собрался на площади перед Конгрессом. В определенный момент полиция по приказу начальника столичной полиции полковника Рамона Фалькона открыла огонь по толпе. Погибло около 150 человек.

В демонстрации анархистов участвовал приехавший несколько месяцев назад юноша из Екатеринослава Симон Радовицкий. У него за плечами был опыт участия в революции. Столкнувшись с несправедливостью, он не мог оставаться равнодушным и 14 ноября 1909 г. во время церемонии похорон главы пенитенциарной системы решительно подошел к машине, в которой ехал шеф столичной полиции, и кинул туда бомбу, затем отбежал, собираясь застрелиться, но его схватили и обезвредили. Рамон Фалькон погиб, а Симона Радовицкого ждал суд и смертный приговор. Однако выяснилось, что обвиняемый был несовершеннолетним, и казнь заменили пожизненным заключением на крайнем юге страны³³.

1910 год в Аргентине был отмечен пышными торжествами по поводу столетия Майской революции, во время которой в Буэнос-Айресе было сформировано первое самостоятельное правительство. «Столетие Аргентины» должно было показать миру весь блеск и величие страны. Однако положение рабочего класса несколько не улучшалось, более того, правительство старалось всячески скрыть

³¹ Там же. С. 133–134.

³² *Camarero Hernán. Tiempos rojos. El impacto de la Revolución Rusa en la Argentina. Buenos Aires, 2017. P. 113.*

³³ Симона Радовицкого амнистировали в 1930 г., таким образом, он провел в заключении 21 год.

любую информацию об этой категории населения, особенно от гостей из разных стран мира. Тогда рабочими движениями и была объявлена Всеобщая стачка, или «Забастовка столетия». Кульминацией противостояния официальных властей и рабочих организаций стал в июне 1910 г. взрыв бомбы в партере главного оперного театра страны, брошенной с балкона анархистом Иваном Романовым. Примечательно, что до сих пор в аргентинском лексиконе конная полиция пренебрежительно называется «*cosacos*» (казаки), что подчеркивает активное участие русских в политических процессах начала XX в.

События вокруг юбилейного 1910 г. остро поставили перед обществом, во-первых, вопрос о многочисленных иммигрантах, сомнительности приоритетной прежде политики заселять свои территории людьми из других стран, и, во-вторых, такой едва ли понятный российскому обществу вопрос, как разница между иммигрантом и иностранцем. Наконец, вызывала сомнения сама идея плавильного котла: если Аргентина — страна иммигрантов, то что тогда является собственно аргентинским? И один из ответов на этот вопрос был найден в литературном дебюте Альберто Гершунова, о котором мы расскажем чуть ниже, сейчас же приведем цитату из Лидии Лашеевой (Басанина). Лашеева писала: в том, что касается отношения к местным жителям, «молодым евреям, особенно подросткам, которые уже акклиматизировались, освоились со страной, гаучо еще не так страшен. Они сами превращаются в гаучо, по крайней мере своею внешностью, своей поведкой не отличаются от него. Но старики и зрелые люди боятся гаучо, как огня». Причина этого страха крылась в необоснованной агрессии: «Нет в нем человеческих чувств, — рассказывал мне один еврей, которого гаучо проколол сзади, бросив ему нож в спину. — Жалости, раскаяния они не знают. Зарезать человека ему нипочем. И это нередкий случай»³⁴.

В феврале 1891 г. в Мойсесвиле один гаучо зарезал переселенца из Проскурова (Хмельницкого) Подольской губернии, оставив сиротой 8-летнего Альберто Гершунова. С 13 лет Гершунов жил в Буэнос-Айресе, с 1906 г. работал журналистом в газете «Ла Насьон» и писал истории о своем детстве в еврейских колониях провинций Санта-Фе и Энтре-Риос. В год столетия Аргентины он опубликовал сборник рассказов «Еврейские гаучо» («*Los gauchos judíos*»). Уже в самом названии символически отражалось некоторое примирение того, что еще недавно казалось противоположным друг другу. Традиция и иммиграция выразились в его творчестве в едином замысле, уже не противореча, а дополняя друг друга. На волне оптимизма интеллектуалов столетия Аргентины, веры в прогресс и столь живого и знакомого многим жителям страны примера иммигранта, переосмысленного в эпической форме, Гершунов становится одним из выразителей национальной идеи и входит в ряд ключевых аргентинских писателей. Гершунов дополняет и развивает то, что Леопольдо Лугонес выражает как рассказчик и теоретик³⁵.

Вопрос о роли и влиянии иммигрантов, их органичности или чужеродности не замыкался на литературной дискуссии, выплескиваясь в том числе и в повседневной агрессии. Жертвой последней стала Русская библиотека, основанная в 1905 г., там проходили оживленные дискуссии на политические темы, там же была создана группа «Авангард», упоминавшаяся выше. В 1910 г. на библиотеку набросилась

³⁴ Басанин Марк. Еврейские колонии в Аргентине. С. 212.

³⁵ Viñas David. Literatura argentina y política. Buenos Aires, 2017. P. 305–306.

разъяренная толпа и на площади перед Конгрессом устроила массовое сожжение хранившихся там книг. К сожалению, в истории Аргентины еще не раз повторится эпизод, когда литература с непонятной для большинства кириллицей будет сочтена экстремистской и на всякий случай сожжена.

Параллельно с Еврейским колонизационным обществом, его программами, и некоторыми независимыми колониями земледельцев существовала и другая еврейская иммиграция из Российской империи. Еще до появления ЕКО (т.е. до 1891 г.) А.С.Ионин так писал об аргентинских миграционных ограничениях для евреев: «Доступ в страну открыт только такому еврею, который докажет обладание известным, довольно большим капиталом, настоящему купцу или еврею-инженеру, технику, артисту с дипломом какой-нибудь высшей европейской школы или консерватории, почти как и у нас. И что же? В Буэнос-Айресе евреев-купцов еще очень мало, инженеров и техников почти нет, музыкантов, правда, довольно много, но большинство евреев, втершихся в страну, вероятно под видом капиталистов или техников, как того требует закон, занимаются только единственной отраслью торговли, которая находится вся в их руках, и эта отрасль торговли — проституция»³⁶. Далее дипломат показывал, насколько хорошо налажен этот бизнес, имеющий огромный успех в городе, куда отовсюду массово приезжают иммигранты, преимущественно мужчины. Конторы, занимающиеся этим видом деятельности, имели своих агентов в разных частях Европы, но более всего были развиты в восточной ее части, вербуя девушек и ввозя их в страну в качестве иммигранток. «Часть этих несчастных, — продолжал А.С.Ионин, — доставляется, как я сказал, из России, из Бессарабии, из Польши»³⁷. По-настоящему ужасающих масштабов данный феномен достиг уже в начале XX в., его одиозной кульминацией была деятельность преступной группы Цви Мигдаль в 1906–1930 гг.

В книге Болеслао Левина приведены цифры, полученные от судьи Карлоса Бернальдо де Кироса и касающиеся регламентированной проституции в Буэнос-Айресе между 1899 и 1915 гг.: русские — 3687 человек; аргентинки — 3212; француженки — 2484; итальянки — 1765; уругвайки — 1507; испанки — 1454; австроненгерки — 1066; немки — 435 и т.д. по всем представленным в Аргентине национальностям³⁸. В романе Лашеевой (Басанина) «Записки эмигранта в Южной Америке»³⁹ фигурирует публичный дом. Сразу по приезде в Буэнос-Айрес главный герой этого романа останавливается в большой квартире у соотечественников. Вернувшись туда после прогулки по городу уже поздно вечером, он видит много гостей и нарядно одетых «не то в русский, не то малороссийский костюм» девушек, поющих под аккомпанемент музыкантов русские романсы. Увидев смятение одной из них в разговоре с хозяином дома, не желавшей идти куда-то с каким-то господином, он догадывается, что находится в борделе. Потом выясняется, что хозяин заведения с красными фонарями привозил молодых девушек в Аргентину, становился их приемным отцом и до их совершеннолетия полностью распоряжался их судьбой, используя для извлечения прибыли.

³⁶ Ионин А. С. По Южной Америке. Т.2. С. 259–261.

³⁷ Там же.

³⁸ Lewin Boleslao. Cómo fue la inmigración judía en la Argentina. Buenos Aires, 1983. P. 208.

³⁹ Басанин Марк. Записки эмигранта в Южной Америке. СПб., 1902. С. 138–148.

«Цветы русского района» — так была подписана фотография, на которой можно было видеть двух улыбающихся девушек в полный рост. Фотография была опубликована на развороте статьи «Россия в Буэнос-Айресе» («*Rusia en Buenos Aires*»), появившейся в 1905 г. в популярном еженедельнике «*Caras y caretas*» («Лица и маски»)⁴⁰. Автор статьи писал, что в связи с новостями о русско-японской войне, все постоянно говорят о России вплоть до того, что возникает интерес отправиться туда. Однако это дорого и опасно. Как же сделать так, чтобы утолить это жгучее желание, не потратив ни цента и даже не выезжая из Буэнос-Айреса? Очень просто: отправиться на улицу Либертад, между Коррьентес и Лаваже, где живут четыреста семей из России, образуя маленький еврейский поселок, напоминающий уголок предместья Санкт-Петербурга. Естественно, здесь все празднуют победы японцев, видя в этом некое обещание падения самодержавия. Данная публикация — прекрасный пример того, как аргентинская общественность пыталась вообразить Россию по тем элементам, с которыми соприкасалась непосредственно. К таким элементам относились классическая музыка и литература, новости светской хроники и живые представители империи, поселившиеся в стране. Это часто создавало удивительный по своей синкретичности коллаж, где все детали, кажущиеся несуразными для русского, прекрасно уживались.

Вышеназванные категории иммигрантов в большой степени влияли на формирование мнения о русских в аргентинском обществе. Излишне упоминать, что аргентинцы не подразделяли выходцев из России на подгруппы, нередко объединяя под одним этнонимом очень разных людей. И кому-то нередко приходилось отмежевываться от стереотипического собрания социалистов, террористов, проституток и великих литераторов.

Одним из важных общественных институтов в Аргентине была церковь, в том числе Русской православной миссии. Миссия была учреждена еще в 1888 г., священником в ней был отец Михаил Иванов, но ввиду ряда конфликтов и, как следствие, угрозы ее закрытия⁴¹ вместо него в Буэнос-Айрес был направлен протопресвитер Константин Изразцов. Приехав в Аргентину в 1891 г., он проводил службы в церкви, размещавшейся в комнате жилого дома, но его усилиями в столичном районе Сан-Тельмо был воздвигнут Свято-Троицкий храм во имя св. Николая Чудотворца и св. Марии Магдалины⁴², в торжественной церемонии открытия храма в 1901 г. принял участие президент Аргентины Хулио Архентино Рока. Отец Константин учредил ряд приходов, среди которых был и приход в г. Трес-Капонес (провинция Мисьонес), появление которого было обязано массовому переходу греко-католиков из австрийской Галиции в православие. В 1914 г. по инициативе отца Константина при церкви были построены ночлежный дом и небольшая бесплатная больница⁴³.

⁴⁰ Caras y caretas. 1905. N 351.

⁴¹ СССР (Россия) — Аргентина. Страницы истории. 1885–1986 гг. Документы и материалы / зав. ред. В. Я. Грибенко. М., 1990. С. 29–30.

⁴² Средства на возведение храма были собраны среди православных в Аргентине и России непосредственно Константином Изразцовым. Император Николай II пожертвовал из своих средств 5 тыс. руб., крупными жертвователями были также вдовствующая императрица Мария Федоровна, Иоанн Кронштадский, П. П. Боткин, Д. Ф. Самарин. При храме была открыта церковно-приходская школа.

⁴³ Путьева Э. Г. Российская трудовая эмиграция в Аргентине в период Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 2. С. 175.

Именно этот храм в первые десятилетия после революции в России будет играть особую роль в среде так называемой белой эмиграции⁴⁴, занимая при этом достаточно привилегированное место в аргентинском обществе.

Как уже упоминалось, с 1885 г. между Россией и Аргентиной были установлены дипломатические отношения, однако дипломаты долгое время как будто не замечали большую часть своих соотечественников, живущих в Аргентине. Говоря о соотечественниках, дипломаты с гордостью упоминали поволжских немцев. Они были для них идеалом колонистов: спокойные, хозяйственные, верующие. За всех остальных приходилось «краснеть» или от них открещиваться. В одном из донесений 1910 г. Евгений Штейн, тогда еще поверенный в делах России в Аргентинской Республике, сообщал, что правительство Аргентины оказало помощь пострадавшим от последствий засухи русским колонистам — «главным образом из немецких выходцев приволжских губерний». Штейн благодарил в связи с этим министра иностранных дел Аргентины и ходатайствовал о том, чтобы выразить аргентинскому правительству благодарность от имени императорского правительства за быструю и широкую помощь «нашим колонистам»⁴⁵. Но к другим переселенцам отношение было не столь теплым. Еще в начале периода большой эмиграции из России появилось мнение, сформулированное в одном из донесений о миграционной политике Аргентины (от 12 (24) июля 1890 г.) и, по всей вероятности, сохранявшееся неизменным десятилетиями: «Постоянное, более или менее продолжительное общение эмигрантов между собой не может не иметь своим последствием взаимного влияния их друг на друга путем обмена мыслей и идей». Далее перечислялось, из каких слоев общества набираются стачечники — в основном это люди самого низшего класса из портовых городов, и приводился вывод: «Понятно, что при таком подборе эмигрирующих лиц возвращающиеся на родину эмигранты не могут по возвращении считаться в своем отечестве вполне благонадежным элементом»⁴⁶. Легко представить, насколько сильной была взаимная неприязнь между представителями дипломатического корпуса и радикально настроенной рабочей частью иммиграции!

Барон Евгений Федорович Штейн имел многолетний опыт дипломатической службы, проработав более десяти лет при российских миссиях в Корее и на Балканах. Получив назначение в Латинскую Америку в 1908 г., он совмещал дипломатическую деятельность в Бразилии и Аргентине, и местом постоянного его пребывания был Рио-де-Жанейро. В мае 1910 и в июле 1916 г. он в качестве российского представителя участвовал в торжествах, посвященных столетию Майской революции и независимости Аргентины. К концу 1916 г. он стал чрезвычайным посланником и полномочным министром России в Аргентине и в ноябре того же года вручал верительные грамоты новоизбранному президенту страны Иполито Иригойену. Когда же пришли новости о падении старого режима в России, Штейн продемонстрировал свою гибкую позицию, полностью поддержав Временное правительство.

⁴⁴ Более подробно о нем см.: Мосейкина М. Н. Отец Константин Изразцов и его роль в судьбе русской эмиграции в странах Латинской Америки // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ). Материалы. Том II. М., 2009. С. 63–65.

⁴⁵ СССР (Россия) — Аргентина. Страницы истории. 1885–1986 гг. С. 50–51.

⁴⁶ Там же. С. 31.

Еще в марте он информировал МИД Аргентины о событиях в Петрограде — о том, что старый политический строй «бесславно пал перед народным возмущением» и что все здоровые элементы нации «объединились с достойным восхищения энтузиазмом вокруг революционного знамени», «национальное движение менее чем за восемь дней одержало окончательную победу». Там же Штейн давал обязательство «уважать международные соглашения, достигнутые при старом режиме», «демократические принципы» и «дружеское согласие между народами»⁴⁷.

Именно поэтому Штейн, будучи посланником уже Русской революции, стал активно появляться на мероприятиях, ей посвященных, даже на собраниях марксистов, не всегда, как мы могли отметить, к удовольствию других членов русской диаспоры. Тем не менее именно на посольстве лежала задача реэмиграции политических беженцев, в том числе возвращавшихся в Россию некоторых матросов-«потемкинцев». Стоит сказать, что Штейн добился официального признания Временного правительства Аргентиной, оно было подписано президентом 18 сентября 1917 г. Удивительно, насколько в унисон звучали русские голоса в Аргентине в апреле — июне 1917 г. — голоса людей, которых объединяла одна лишь мечтательная неизвестность!

Эпизод «пересечения» в историческом пространстве столь разных групп людей очень важен: он явно показывает нам, что все они не только прекрасно знали о существовании друг друга, но и явным образом поддерживали общение (или как минимум имели возможность его поддерживать). И самое странное во всем этом совсем не то, что они «разругались», используя интриги на самом разном уровне, а то, что именно новости о революции заставили их найти — хотя бы ненадолго — платформу для общего диалога.

Павловские, а также в массе своей люди, причастные к еврейской колонизации, вряд ли собирались связывать свою дальнейшую жизнь с Россией. Между тем политическая и рабочая эмиграция ждала этой революции, и немало людей с энтузиазмом думало о возвращении на родину. Что касается Штейна и дипломатов, вероятно, они верили в революцию как в возможность установления нового демократического строя, и вряд ли стоит исключать их искренние побуждения. Однако именно на них как на представителях старой власти срывали свой гнев соотечественники. Константина Изразцова, настоятеля Свято-Троицкого храма, эта участь миновала. Не выказывавший никакой враждебности, помогавший обездоленным, он не вызывал негативного к себе отношения даже в самые бурные дни. Таким образом, если Мария Александровна Кублицкая в своей работе «Русские книги, изданные в Аргентине. XX век», ссылаясь на мнение Н. А. Чоловского, мальчиком приехавшего в Аргентину, пишет о том, что в предреволюционное время не было разделения на русскую и украинскую колонию⁴⁸, то у нас есть основания говорить, что в тот же период не было разделения между русскими и евреями.

Рассмотренный эпизод — пускай условного, но тем не менее единения выходцев из России — в высшей мере любопытен. Возможно, основанием для него послужила романтическая неопределенность будущего родины, дарившая всем простор для иллюзий. Несмотря на отдаленность от России, сообщество в Аргентине

⁴⁷ *Camarero Hernán. Tiempos rojos. El impacto de la Revolución Rusa en la Argentina. P. 115.*

⁴⁸ *Кублицкая М. А. Русские книги, изданные в Аргентине. XX век. М., 2013. С. 8.*

претерпело то же размежевание, что и народы империи, и примерно в те же самые недели.

References

- Basanin Mark. Evreiskie kolonii v Argentine. *Istoricheskii vestnik*, 1898, vol. LXXII, april, pp. 192–228 (In Russian).
- Basanin Mark. *Zapiski emigranta v Iuzhnoi Amerike*. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1902, 328 p. (In Russian).
- Camarero Hernán. *Tiempos rojos. El impacto de la Revolución Rusa en la Argentina*. Buenos Aires, Sudamericana, 2017, 335 p.
- Collado Patricia A. Desarrollo vitivinícola en Mendoza — Argentina. Apuntes Sobre Su Origen Devoto Fernando. *Historia de la Inmigración en la Argentina*. Buenos Aires, Sudamericana, 2003, 527 p.
- Escliar Myriam. *Mujeres en la literatura y la vida judeoargentina*. Buenos Aires, Editorial Milá, 1996, 108 p.
- Fenia Chertkoff. [S. l.], [s. n.], 1933, 166 p.
- Herszkowich Enrique. *Historia de la Comunidad Judía Argentina: su aporte y participación en el país*. [Buenos Aires]: Centro de Estudios Sociales DAIA Publ., 2006, 115 p.
- Ionin A. S. *Po Iuzhnoi Amerike*. Vol. 2. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ. 1896, 478 p. (In Russian).
- Jeifets Lazar, Jeifets Victor. *América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Diccionario Biográfico*. Santiago de Chile, Ariadna Ediciones, 2015, 791 p.
- Kardashev Iu. P. *Vosstanie. Bronenosets "Potemkin" i ego komanda*. Moscow, [S. n.], 2008, 544 p. (In Russian).
- Kublitskaia M. A. *Russkie knigi, izdannye v Argentine. XX vek*. Moscow, Staraiia Basmanaia Publ., 2013, 310 p. (In Russian).
- Lewin Boleslao. *Cómo fue la inmigración judía en la Argentina*. Buenos Aires, Plus Ultra, 1983, 336 p.
- Moseikina M. N. Otets Konstantin Izrastov i ego rol' v sud'be russkoi emigratsii v stranakh Latinskoï Ameriki. XIX Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta (PSTGU). Materialy. Vol. II. Moscow, St. Tikhon Humanitarian University Press, 2009, pp. 63–65. (In Russian).
- Pittaluga Roberto. *Soviets en Buenos Aires. La izquierda de la Argentina ante la revolución en Rusia*. Buenos Aires, Prometeo Libros, 2015, 400 p.
- Putiatova E. G. Rossiiskaia trudovaia emigratsiia v Argentine v period Pervoi Mirovoi Voiny. *Vestnik of Saint-Petersburg University*. Series 2, 2007, iss. 2, pp. 174–178. (In Russian).
- Sacks Juan Carlos. *Historia de los inmigrantes del Volga. Vivencia de los abuelos alemanes*. Paraná, Editorial de Entre Ríos, [S. a.], 78 p.
- Viñas David. *Literatura argentina y política*. Buenos Aires, Santiago Arcos, 2017, 570 p.
- Zablotsky Edgardo. Filantropía no Asistencialista. Loewenthal y Heilprin, los ideólogos. Hirsch, el ejecutor. Documento de Trabajo. Universidad del CEMA, 2015, Marzo, no. 560, 26 p.

Received: May 28, 2018

Accepted: September 10, 2018